

сп. СЪПОСТАВИТЕЛНО ЕЗИКОЗНАНИЕ

год. x/1985 кн. 6

Комуникативният анализ на изреченията свидетелствува за различно съотношение на средствата при формиране на значенията на подбудителните изказвания. Славянските езици имат типологични особености при изразяване на подбудителното значение (напр. категорията на видовото глаголно различие се активизира), а в английския език лексикалните средства играят по-съществена роля.

Освен това, анализът показва, че в трите езика интонацията също играе важна роля, особено при различаването на комуникативното значение на изреченията с еднакъв лексико-граматичен състав.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андрейчин 1978: Л. Андрейчин. *Основна българска граматика*. София, 1978 (1. изд. 1944).
- Брызгунова 1978: Е. А. Брызгунова. *Смысловое взаимодействие предложений. Синтаксис текста*. Москва, 1978.
- Грамматика 1980: *Русская грамматика*. Москва, 1980.
- Грамматика 1983: *Грамматика на съвременния български книжовен език. Т. III. Синтаксис*. София, 1983.
- Исаченко 1957: А. В. Исаченко. К вопросу об императиве в русском языке. *Русский язык в школе*, 1957, № 6.
- Ницолова 1976: Р. Ницолова. Към въпроса за транспозицията на императива в български и в другите славянски езици. *Помагало по бъл. арска морфология. Глагол*. София, 1976.
- Пенчев 1980: Й. Пенчев. *Основни интонационни контури в българското изречение*. София, 1980.
- Устинов 1946: И. В. Устинов. *Материалы и методические указания к курсу современного русского языка*. Москва, 1946.
- Шахматов 1941: А. А. Шахматов. *Очерк современного русского литературного языка*. Москва, 1941.
- Якобсон 1932: R. Jakobson. *Zur Struktur der russischen Verbuns. Charisteria V. Mathesio. . . oblata*. Prague, 1932.

ТЕОРЕТИЧНИ ВЪПРОСИ НА ЕЗИКОЗНАНИЕТО

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ЦЕНТРА И ПЕРИФЕРИИ ПРИ МНОГОМЕРНОМ ПРИЗНАКОВОМ ПОДХОДЕ К ОПИСАНИЮ ЯЗЫКА

АДА И. КУЗНЕЦОВА (Москва)

Основными критериями периферии предлагается считать количественные критерии — низкую частоту встречаемости и малый размер того или иного класса. Точка отсчета должны стать среднестатистические явления языка, характерные для центра. Крайние точки на шкале, представляющие отклонения от среднестатистических цифр и охватывающие незначительное количество таких элементов (условно — до 10%), названы однопризнаковыми периферийными пространствами. Поскольку одно и то же явление с разных точек зрения можно квалифицировать то как центральное, то как периферийное, предлагается проводить многомерный признаковый анализ языка. Пучки пересечения многих разнопризнаковых периферийных явлений и будут называться периферийными областями языка.

The paper proposes that the basic criteria for the periphery should be quantitative, i. e. the low frequency and limited scope of a class. The statistical average of language phenomena, characteristic of the core should be considered as a point of reference. The end points on the scale, which represent deviations from the statistical average and cover an insignificant number of elements (for instance up to 10%) are called single-feature peripheral spaces. Since one and the same language phenomenon may be defined either as a core or as a peripheral one depending on the point of view, the author argues for multidimensional feature analysis of language. The cross-lines of a great number of peripheral phenomena, displaying differing features are called peripheral areas of language.

Лингвистическая терминология каждого конкретного периода времени весьма своеобразна, четкие однозначные категории утверждаются не сразу, и это затрудняет восприятие новых идей. Вводимый в научный обиход новый материал всегда требует предварительной оценки и классификации фактов; исследователь должен пытаться устанавливать причинно-следственные связи явлений, расширять область исследования, руководствуясь основным методологическим принципом большинства исследователей XX в. — принципом системного анализа, когда рассмотрение фактов происходит в их взаимодействии и взаимообусловленности. При подобном подходе к исследованию универсальным принципом структурирования любого языка можно считать наличие в языке центральной и периферийной

зон. Данные понятия получают в последнее время большое практическое применение и широкое распространение при исследованиях на разных языковых уровнях. Однако согласованности, единообразия в подходе к выделению центра и периферии в языке нет, хотя к этим понятиям лингвисты обращаются все чаще и чаще. В силу большой употребительности этих понятий одни лингвисты используют понятие периферийности — непериферийности как критерий (параметр) выделения каких-либо классов единиц из множества других, другие, наоборот, ищут критерии (параметры) для выделения самого понятия периферии. Но так или иначе, а само понятие периферии привлекает к себе все большее внимание как в общетеоретическом, так и в чисто практическом плане.

При изучении периферии невозможно (да и не нужно) целиком изолироваться от связанных с ней и противоположных ей понятий центра и (или) ядра, без сопоставления с которыми специфика периферии не может быть полностью раскрыта. При выяснении вопроса о специфичности какого-либо явления (в данном случае — языковой периферии) целесообразно выбрать и ввести „пункт соотнесения“. Это дает возможность при сравнении явлений друг с другом понять, с одной стороны, своеобразие предмета анализа, с другой стороны, его типичность.

Понятия центр и периферия употребляются как по отношению к разным уровням языка, так и в отношении языковой системы в целом. Очень часто явления, относящиеся к периферийным на одном уровне, оказываются центральными на другом. Критерии отнесения элементов к периферии (в целом еще слабо разработанные) могут быть различны для различных уровней.

Достаточно широко понятия центр — периферия используются при описании фонологических систем, более того, по мнению О. Лешки (1966, с. 53—57), центральные и периферийные элементы наиболее четко разграничиваются именно в фонологии. В области фонетики и фонологии фиксирование периферийных явлений сводится обычно к статистическим подсчетам различных структур и регистрации наиболее редких явлений в противоположность наиболее частым. Периферийные особенности (аномалии) на фонетическом (фонологическом) уровне обычно проявляются на материале конкретных групп слов, на примере так называемой неядерной лексики. Фонетическая периферия, с одной стороны, может быть интерпретирована с чисто статистической точки зрения как редко встречающиеся явления фонетического (фонологического) уровня языка, с другой стороны, сама может служить приметой определенных (периферийных) групп лексики.

В лексической системе также выделяют ядерную и неядерную (периферийную) лексику. К периферийным словам, по мнению одних исследователей, относятся слова, выходящие за пределы и литературной нормы, т. е. имеющие в словарях какие-либо пометы (Костинский 1977), по мнению других, — слова, имеющие сложный морфологический состав, ограниченные в сочетаемости, иноязычные по своему происхождению, реже приходящие на память информантам (Кузнецов 1980, с. 77—78).

С чисто семантической точки зрения для периферии характерна десемантизация слов, когда, по словам Ю. Н. Тынянова, „бледнеет“ представление значения; слово, выражающее представление, становится выражением связи, отношения, становится служебным словом.

В последнее время едва ли не самое большое количество работ, в которых лингвисты обращаются к понятиям центра и периферии, встречается в области морфологии. Наиболее ранние работы по морфологической периферии принадлежат представителям Пражской лингвистической школы; исследуемые области периферийных явлений называются лексическими подсистемами, основанными на оппозиции каких-либо грамматических черт (признаков) языка. Понятие оппозиции центр — периферия широко используется при классификации частей речи. Вслед за И. В. Неуступны (1966) исследователи относят к ядерным классам слов единицы, выполняющие только какую-нибудь одну функцию (моnofункциональные единицы), а к периферии — би- и полифункциональные слова (Прасол

1984, с. 84); иногда речь идет о том, что „на периферии располагаются слова и группы слов, у которых отсутствуют или неярко выражены какие-то дифференциальные признаки, характерные для ядра данной части речи, и есть некоторые признаки, свойственные другой части речи“ (Бабайцева 1971, с. 81; Баудер 1982).

В особую группу следует выделить работы исследователей по так называемой теории функционально-семантического (функционально-грамматического) поля, в котором наличие центральных и периферийных областей есть один из универсальных принципов организации языка и его отдельных уровней, в первую очередь, морфологического и лексического. В большой серии однотипных по методу и организации материала работ исследуются различные абстрактно-понятийные категории (темпоральности, модальности, локативности, аспектуальности, аффирмативности, негативности и т. д.) и разноуровневые способы их выражения, причем доминантными, центральными средствами передачи той или иной категории (семемы) считаются обычно чисто грамматические средства, сводимые в грамматическую парадигму, а периферийными — лексические или синтаксические, „не парадигматизуемые“. В рамках теории поля центральными и периферийными могут быть как признаки (семемы), наличие которых определяет семантическую структуру того или иного микрополя, так и разные средства выражения общего понятия, лежащего в основе поля (к ним относятся морфологические, лексические, синтаксические, интонационные способы). Основным критерием разделения и семем, и разноуровневых средств на центральные и периферийные является количественный критерий — учитывается частотность тех и других в речи и языке.

Вне теории поля также используются понятия центра и периферии при морфологическом анализе. Так, при изучении категориальных грамматических значений падежа комплекс значений, присущих каждому падежу, не сводится к общему, единому значению: у каждого падежа выделяются основные, главенствующие, центральные значения, которые, „как правило, слабее испытывают на себе лексико-семантические ограничения“ и периферийные значения, которым „обычно сопутствует достаточно определенная семантическая или синтаксическая несвободность“ (Грамматика 1980, с. 479). В этом случае при выделении периферии используются не количественные, а качественные критерии.

Точно так же в обширной аспектологической литературе частные видовые значения группируются в две группы по их роли в семантическом спектре вида — центральную и периферийную; все чаще подвергаются анализу не только центральные, но и периферийные видовые значения (Маслов 1984, 72—82).

В области словообразования с точки зрения отношения периферии и центра также начали проводиться первые исследования. Исследователи пытаются разделить инвентарь на центральный и периферийный, выделить относительно редкие явления в области словообразования, часто не называя их периферийными (например, случаи параллельного словообразования, оформление групп слов с отрицательными префиксами в каком-либо языке, наличие в структуре слова рекуррентных аффиксов, образование сложных слов со вторым компонентом, превратившимся в суффиксойд и т. п.); установить ядерные и периферийные способы словообразования в пределах каких-либо групп слов; отделить „значимые“ морфемы от „незначимых“, десемантизированных, относимых обычно к периферийным, и т. д.

Доминирующим критерием отнесения тех или иных морфологических (включая словообразовательные) явлений к центру или периферии является количественный критерий (объем и частота класса), хотя иногда средством отделения периферийных явлений от центральных служит и качественный критерий, например, десемантизация языковой единицы.

Широкое применение понятия центр — периферия находят на синтаксическом уровне. В синтаксисе нет четких критериев отнесения какого-либо явления к периферии или центру. Нередко периферийность определяется „на глазок“. Более того, некоторые исследователи сознательно подчеркивают принципиальную

невозможность четко разграничить центральную и периферийную зоны в области синтаксиса, особенно учитывая, что „говорящий черпает синтаксические средства то из центральных, то из периферийных зон“ и таким образом „противоположности смыкаются“ (Лаптева 1976, с. 63). Тем не менее и в области синтаксиса учащаются попытки применения оппозиции центра — периферии и установления взаимоотношений между ними.

Противопоставлением центр — периферия может характеризоваться не только уровень языка, но и текст, дискурс; это противопоставление используется и в теории стилей. Еще в 30-е гг. В. В. Виноградов писал о „ядре“ и „периферийных слоях“ в структуре „общелитературного языка“ (Виноградов 1980, с. 83). А. Едличка считает нейтральный стиль центральным, а разговорную и книжную речь — периферийными стилями (в рамках теории стилей, принятой в чешской лингвистической традиции) (Едличка 1973, с. 94). Неизбежным результатом подобных взаимодействий кодифицированного ядра и периферийных сфер речи, по замечанию Г. А. Золотовой, является „вариативность нормы в ряде пунктов языковой грамматической системы“ (Золотова 1974, с. 147). Отсюда становится понятным, почему особенно часто говорится о различных явлениях периферии в связи с концепцией нормы — вариативности (Е. Косериу, Н. Д. Арутюнова, К. С. Горбачевич, Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Б. С. Шварцкопф и др.), которая, в свою очередь, может быть связана с изучением принципов константности — вариативности. В синхронном плане воплощением оппозиции „константность — вариативность“ является концепция динамической синхронии А. Мартине (1975), а также положение М. Мамудян о наличии в языковой системе двух зон — зоны уверенности, где языковые факты константны, четки в сознании говорящих, и зоны неуверенности, колебаний, где языковые факты неясны в сознании говорящих и вариативны в употреблении (Мамудян 1980, с. 13—14). М. Мамудян связывает противопоставление „константность — вариативность“ с идеей деления языковой системы на центр и периферию.

Аналогичные взгляды, хотя и в неявном виде, высказал в свое время Л. В. Щерба, который считал, что твердым нормам, находящимся, по его словам, „в светлой точке языкового сознания“, противопоставляются „рождающиеся и умирающие нормы, „находящиеся в бессознательном состоянии и лишь воспроизводимые или творимые в отдельных случаях“ (Щерба 1915, с. 8—9). В настоящее время эти рассуждения Л. В. Щербы интерпретируются как положение о противопоставлении ядерной части нормативной системы и периферийных ее частей (Скворцов 1984, с. 20—21).

И в центре, и на периферии языковое варьирование совершенно обязательно, хотя степень вариативности, ее причины и виды могут быть различны. В пределах варьирующихся форм может быть своя периферия, обладающая различной частотностью (чем частотность больше, тем сильнее воздействие варианта на норму) (Граудина 1977).

Распатывание нормы начинается с появления дублетов, что ведет к увеличению асимметрии двух планов, которая затем или еще больше возрастает, или, наоборот, выравнивается под действием аналогии. Дублетность нормы — явление обычное, достаточно частое и общепризнанное (Щерба 1958, с. 65; Истрина 1948, с. 5). Условием для появления вариантных форм является открытость, несбалансированность языковой системы. В речи, являющейся „основной лабораторией языка“, „возникают нарушения нормы и вместе с тем творится новая норма“ (Истрина 1948, с. 6 и 14). Существует связанность понятий норма и вариантность, и эта связанность характеризует динамику нормы. „Норме, ограничивающей вариантность системы, . . . присуща вариантность как этап развития нормы“ (Шварцкопф 1977, с. 127—128). Вариантные формы того или иного типа (например, существительные с неустойчивым множественным числом в русском языке, существительные с колебаниями в роде, двусловные глаголы и т. п.), имеющие при себе в словарях пометы, выводящие слово за пределы литературной нормы (как и слова без всяких вариантов со стилистиче-

скими пометами), предлагается относить к периферийным явлениям языка (Костинский 1977, с. 127).

При решении вопросов соотношения центра и периферии и нормы и ненормы, периферия квалифицируется как „нестабильные участки языковых систем“, как „серая зона“, находящаяся на границе „нормы и ненормы“, в которой могут сосуществовать варианты (здесь же, в „серой“ промежуточной периферийной для нормы зоне, возможны и неварирующиеся явления) и из которой одни единицы со временем переходят в разряд нормативных, другие „разжорванные“, наоборот, уходят из литературного языка в просторечие, профессионализмы или, устаревая, исчезают из языка совсем (Ицкович 1982, с. 15). Следовательно, периферию, которая рассматривается в рамках нормы, хотя и сближается с окраинными областями нормы, характеризует большая вариативность различных языковых единиц.

При изучении понятий системности / асистемности и симметричности / асимметричности языковых явлений лингвисты также нередко привлекают понятие периферии и центра. Периферия смешивается с асистемностью, подменяется этим понятием, несмотря на то, что периферия включает и системные, и асистемные явления. И центр, и периферия языка системны, зато асистемные явления почти всегда периферийны по отношению к центру, в пределах которого асистемности практически нет.

Более сложные соотношения наблюдаются между оппозицией симметрия — асимметрия, с одной стороны, и центр — периферия, с другой стороны. Морфологический уровень билатерален, т. е. имеет план выражения и план содержания, между которыми существует определенный изоморфизм (параллелизм), нередко, впрочем, нарушаемый за счет то одного, то другого плана. Эти случаи отсутствия соответствия между двумя планами принято называть в лингвистике асимметрией, а их наличие — симметрией (наряду с терминами неравновесие, несоответствие). Асимметрия может быть в пределах и одного плана. Формы проявления асимметрии в языке давно интересуют лингвистов (Карцевский 1965; Якобсон 1936; Скаличка 1967; Барнет 1966; и др.). Особенно часто встречается указание на диспропорциональное соотношение плана выражения и плана содержания. Асимметрия проявляется в тенденции означаемого иметь иные функции, чем его собственные (как при полисемии), и тенденции означаемого выражать себя иными средствами, кроме собственных (как при тропонимии), что обусловлено речевым контекстом. С точки зрения асимметрии означаемого и означаемого можно говорить об омонимии, синонимии и некоторых других понятиях семантической системы языка.

Асимметрия отмечается исследователями и в области морфологии. Например, с прибавлением аффикса нарушаются семантические отношения между производящей основой и производным словом; обычно происходит прибавление значений, но общее значение слова при этом чаще всего оказывается не выводимым из значения его частей; возникает так называемое приращение значения, о котором неоднократно писали Е. С. Кубрякова, М. В. Панов, И. Г. Милославский и др., как в следующих случаях: *кобыла* 'животное' — *кобыл-ка* 'животное (умен. к кобыла)', 'подставка под струны', 'саранчевое насекомое', 'человек'; *крапива* 'растение' — *крапив-ниц-а* 'бабочка', 'болезнь' (в приведенных и многих других примерах несущественно, имеем ли мы дело с полисемией или омонимией). Асимметрия означаемого и означаемого ведет к передвижению границ между морфемами, в результате чего может возникнуть десемантизированный морф (субморф). Асимметрия усиливается за счет случаев наложения, нулевой аффиксации, конверсии, усечения основ.

Разного рода асимметричные явления наблюдаются и в области синтаксиса: анализируются полные (симметричные) и эллиптические (асимметричные) формы на материале сложных предложений с двумя однородными подчиненными предложениями; изучается взаимодействие актуального членения предложения с его формальной организацией в свете формально-содержательной асимметрии

языкового знака и т. д. Вывод из практических исследований обычно сводится к утверждению: „Асимметрия синтаксической формы и синтаксического содержания скорее правило, чем исключение“ (Ворожцов 1982, с. 51).

Таким образом, асимметрия столь же часта в языке, как и симметрия, т. е. ее никак нельзя считать периферийным явлением в языке, хотя некоторые лингвисты, например: Й. В. Неуступны, используют сочетание „асимметричные черты“ как абсолютный синоним сочетания „периферийные черты“ (Неуступны 1966, с. 45). Принципы симметрии — асимметрии применяются для определения места языковых единиц того или иного класса в составе этого класса (Неуступны 1966). Единицы с максимальной концентрацией признаков своего класса образуют центр; единицы, в которых ряд признаков отсутствует, но есть другие признаки других классов, — периферию. Пересекающиеся классы слов содержат единицы с асимметрией признаков, совмещающие характеристики разных классов: асимметрия их свойств выражается в нарушении параллелизма между их принадлежностью к тому или иному классу и их синтаксическим функционированием. Иными словами: „Единицы, характеризующиеся наличием признаков только данного класса, могут быть представлены как единицы, обладающие симметрией признаков. Единицы с такой внутренней структурой составляют центр или ядро класса. Наряду с единицами с симметрией признаков в составе класса можно выделить единицы, во внутренней структуре которых наличествуют признаки другого, противопоставленного класса. Внутренняя структура таких единиц характеризуется асимметрией признаков, а сами единицы помещаются в „периферию“ данного класса“ (Шапкин 1969, с. 77). Эти и подобные утверждения весьма спорны.

Другое дело — выяснение того, что чаще встречается в пределах самой периферии, симметрия или асимметрия явлений. Многие исследователи признают, что в пределах периферии того или иного явления асимметрия встречается чаще, чем в центре. В. Г. Адмони, например, утверждает, что в рамках так называемой „полевой теории“ „периферия . . . асимметрична“ практически всегда (Адмони 1964, с. 51; обратное неверно — А. К.).

Об асимметричности может идти речь в плане выражения, когда анализируется функционирование, употребительность и т. д. языковых единиц, независимо от ее моно- или билатеральности, но с учетом расположения определенных элементов языка по отношению к оси симметрии. Например, большая часть морфем русского языка асимметрична с точки зрения их фонетической структуры: точно так же подавляющее большинство морфем асимметрично с точки зрения рекуррентности морфем в слове: в русском языке существует менее 1% симметричных структур с дважды или трижды повторяющимся суффиксом в пределах одного слова (типа русск. *поверхностный*, *частотностный*; ср. польск. *biał-k-ów-k-a*, *lod-ów-c-ów-y*, чешск. *star-ost-liv-ost* (Кузнецова 1973). Парадокс состоит в том, что если при анализе языковых единиц как знаков случаи симметрии и асимметрии встречаются приблизительно в равном количестве, то при анализе расположения элементов в плане выражения относительно друг друга случаи асимметрии встречаются значительно чаще, чем случаи симметрии.

Явлений симметричных и асимметричных в языке достаточно много и выделять среди них центр и периферию затруднительно, но на периферии языка, выделенной по какому-то иному основанию, случаев асимметрии может быть больше, чем примеров симметрии, хотя возможны и противоположные примеры.

Рассмотрение центра и периферии соотносительно с нормативностью/ненормативностью, системностью/асистемностью и симметричностью/асимметричностью показывает, что ненормативные, асистемные и асимметричные явления далеко не всегда совпадают с явлениями периферийными и не могут служить существенными критериями выделения периферии в языке.

Признаками периферии, наиболее существенными для ее выделения, необходимо признать не асимметричность, не асистемность, не ненормативность, а прежде всего количественные критерии — низкую частоту встречаемости того или иного класса, непродуктивность его и малый размер класса.

Критерий частотности в большей или меньшей степени используется на всех языковых уровнях. С помощью критериев индивидуальной частоты и частоты класса, которые иногда могут находиться в противоречии друг с другом, и критерия размера класса (Питтман 1948) можно выделять в языке центральные и периферийные области и отдельные явления. Например, используя критерий частоты класса, можно подразделить части речи на центральные и периферийные; к периферийным отойдут части речи, обладающие малой частотой встречаемости класса, — союзы (индивидуальная частота отдельных союзов вступает в противоречие с частотой класса, будучи очень высокой), частицы, которые в русском языке соответственно дают 7,39% и 1,002% (Словарь 1977, с. 927), и некоторые другие.

Отдельные грамматические категории также, судя по данным частотных словарей, могут встречаться очень редко: сравнительная степень прилагательных — 3,5%, превосходная — 3,5% (Иоссельсон 1966, с. 122); условное наклонение совершенного и несовершенного видов — 4,8% (Иоссельсон 1966, с. 123), будущее время несовершенного вида 3,7% (тогда как совершенного вида — 51,7%) (Иоссельсон 1966, с. 124).

Низкая частота встречаемости в области словообразования и морфемики находится в известной корреляции с непродуктивностью, хотя и не идентична ей (Кузнецова, Лавренова 1975), а в области словоизменения — с нерегулярностью грамматических явлений.

Нередко вместо частоты встречаемости используется другой количественный критерий — размер класса, который также позволяет лингвистам подразделять явления на центральные и периферийные. Чисто условно можно отнести к периферии явления, охватывающие не более 10% по сравнимому критерию языковых феноменов, т. е. признать критерий „малый размер класса“, установив пределом 10%. С этой точки зрения не только все служебные слова, составляющие в общей сложности менее 1% слов русского языка (Словарь 1974, с. 944), могут быть оценены как периферия, но и классы местоимений, числительных и наречий, включающие в свой состав менее 2% всех слов современного русского языка (наоборот, существительные, глаголы и прилагательные охватывают более 97% всей лексики — 46,35%, 30,71% и 20,4% соответственно). Однако одно и то же явление под одним углом зрения может быть отнесено к центру, под другим — к периферии. Нередко языковое явление, периферийное с точки зрения одного уровня, не периферийно с точки зрения другого. Определение того, принадлежит ли какое-либо явление к центру или периферии, зависит от точки отсчета и выбранного параметра. Точкой отсчета должны стать среднестатистические явления языка. Отклонения от средних цифр, являющихся характеристикой периферийных, центральных языковых явлений, выглядят как некие крайности, крайние точки одной шкалы, на которой размещаются те или иные явления, рассматриваемые с точки зрения какого-либо определенного признака. Например, на шкале, где отмечаются значения суффиксов, „центральное положение в (именной суффиксальной — А. К.) системе занимают суффиксы, совмещающие два-три значения... На периферии данного набора располагаются однозначные и многозначные суффиксы. Их очень немного, и они максимально противопоставлены друг другу по значению, дистрибуции, фонетическому облику“ (Ревзина 1969, с. 72).

Аномалии, крайности на разных языковых уровнях можно, следовательно, определить как статистически редкие явления, отклонение от среднестатистических данных, принимаемых за норму, за эталон, рассматриваемый как некая вспомогательная величина, назначение которой состоит исключительно в том, чтобы оттенять отклонения от этой центральной величины в языке (эталон, кетати, может быть своим в литературном языке, в диалекте, в специальном подъязыке и т. д.). Отклонения могут быть как в сторону малых, так и в сторону больших частот и размеров. Критерии низкой частотности и малого размера класса (как и непродуктивность языковых явлений) можно считать основными

критериями определения периферии в языке. Таким образом, крайние точки на шкале, представляющие собой отклонения от среднестатистических цифр, характерных для центра, и охватывающие малое количество таких элементов (условно, как уже было предложено, не более 10%), можно называть однопризнаковыми периферийными пространствами, обнаруженными при рассмотрении языка под каким-либо определенным углом зрения, с точки зрения какого-либо определенного признака.

Отсюда возникает сложный вопрос выбора признаков для анализа различных языковых явлений. Обычно считают, что для ядра (центра) характерны только существенные признаки (Бондарко 1968, с. 5; Нецименко 1984, с. 49), однако нередко именно случайные, произвольно взятые признаки дают особенно интересные и неожиданные результаты. При учете многочисленных признаков, характеризующих различные языковые явления, при более гибких оценках этих явлений бывает трудно поместить языковые явления в прокрустово ложе либо периферии, либо центра. С разных точек зрения одно и то же явление может быть часто квалифицировано то как центральное, то как периферийное, и только пучки пересечений большого ряда периферийных единиц (явлений), выделенных с разных точек зрения, можно называть собственно периферийными областями. Получается скользящая классификация языковых структур от центра к периферии как мест максимального средоточения, скопления пучков наиболее типичных (в центре) и наиболее нетипичных для языка (на периферии) проявлений разнообразных признаков, что может получить и частую количественную оценку.

Признаковая (фасетная) классификация языковых явлений (не исключающая, впрочем, таксономического подхода к языковым явлениям внутри единиц, первоначально отобранных по какому-либо одному определенному признаку) возможна на различных уровнях, в том числе, морфологическом и — более узко — в области морфемике, изучающей морфемный инвентарь языка и морфемную структуру слова.

Центральные и периферийные явления в области морфемного строения слова можно выделить, используя, например, следующие признаки: 1) критерий глубины слова — количества морфем в слове (для слов центра характерна глубина 4 ± 1 морфема, а слова большей или меньшей глубины в 7 — 11 или 1 — 2 морфемы относятся к периферии, охватывая соответственно 1,5% и 5% по отношению к 60 тыс. исследованных слов; слова с шестью морфемами составляют промежуточную между центром и периферией группу); 2) критерий количества корней в слове (поликорневые слова, имеющие более двух корней в своем составе, относятся к периферии, однокорневые — к центру, сложные с двумя корнями составляют переходную группу) (Кузнецова 1980); 3) недопустимость повторения в пределах слова ни оморфных морфем, ни одной и той же морфемы (рекуррентные аффиксы в пределах слова в русском языке охватывают менее 1% рассмотренных слов) и т. п. При таком многопризнаковом подходе к изучению языка и выявлению в нем периферийных зон легко установить области пересечения разнопризнаковых периферийных пространств. Так, к словам с большими глубинами относится много поликорневых слов (обычно низкочастотных) и слов с рекуррентными аффиксами. К словам с малыми глубинами могут быть причислены среди прочих слова-одиночки с нулевой словообразовательной валентностью, которые сами, являясь непродуктивными и низкочастотными, относятся к периферии по признаку, например, количества аффиксов в слове (Кузнецова 1977).

Таким образом, о периферии и центре можно говорить только при многомерном признаковом подходе к объекту исследования. Использование независимых друг от друга признаков позволяет обнаруживать глубинные, часто весьма существенные, сходства у множества разнородных на первый взгляд объектов. Применение количественного критерия дает возможность отделить периферию от центра, определяя ее как существенное отклонение от среднестатистических цифр, характеризующих по тому или иному параметру основную массу слов языка.

Идея сферического устройства языка, когда система языка представлена в виде сферы, ядро которой окружено периферическими слоями, высказанная в свое время Л. В. Щербой и В. В. Виноградовым, и дополненная В. В. Бабайцевой, представляем о системе языка, состоящей из ряда пересекающихся кругов, в каждом из которых есть свои центральные и периферийные области и множество промежуточных, переходных (но нет единого центра для языка в целом), должна быть пересмотрена под иным углом зрения — с точки зрения многомерного признакового подхода к описанию языка.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адмони 1964: В. Г. Адмони. *Основы теории грамматики*. Москва — Ленинград, 1964.
- Бабайцева 1971: В. В. Бабайцева. Гибридные слова в системе частей речи современного русского языка. *Русский язык в школе*, 1971, № 3.
- Барнет 1966: В. Барнет. О морфологических противопоставлениях в структурной диахронии. *Travaux linguistiques de Prague*, 1966, № 2.
- Баудер 1982: А. Я. Баудер. *Части речи — структурно-семантические классы слов в современном русском языке*. Таллин, 1982.
- Бондарко 1968: А. В. Бондарко. *Система времен русского глагола (в связи с проблемой функционально-семантических и грамматических категорий)*. Ленинград, 1968.
- Виноградов 1980: А. В. Виноградов. О художественной прозе. *Избранные труды. О языке художественной прозы*. Москва 1980 (1. изд. 1930).
- Ворожцов 1982: Б. Н. Ворожцов. Об эксплицитном представлении формально-содержательной асимметрии в словообразовании. *Вопросы формально-содержательной асимметрии единиц различных языковых уровней*. Барнаул, 1982.
- Грамматика 1980: *Русская грамматика, т. I*. Москва, 1980.
- Граудина 1977: Л. К. Граудина. Словоизменительные варианты: вес переменных элементов в грамматике. *Грамматика и норма*. Москва, 1977.
- Едличка 1973: А. Jedlička. K projektu a vymezení knižnosti. *Slovo a slovesnost* [Praha], XXXIV, 1973, № 1.
- Золотова 1974: Г. А. Золотова. О характере норм в синтаксисе. *Синтаксис и норма*. Москва, 1974.
- Истрина 1948: Е. С. Истрина. *Нормы русского литературного языка и культуры речи*. Москва — Ленинград, 1948.
- Ицкович 1982: В. А. Ицкович. *Очерки синтаксической нормы*. Москва, 1982.
- Йоссельсон 1966: Г. Г. Йоссельсон. Подсчет слов и частотный анализ грамматических категорий русского литературного языка. *Автоматизация в лингвистике*. Москва — Ленинград, 1948.
- Карцевский 1965: С. Карцевский. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. В. А. Звегинцев. *История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях*. Москва, 1965.
- Костинский 1977: Ю. М. Костинский. К оценке и возможной активизации лексического потенциала языка. *Литературная норма и просторечие*. Москва, 1977.
- Кузнецов 1980: А. М. Кузнецов. *Структурно-семантические параметры в лексике*. Москва, 1980.
- Кузнецова 1973: А. И. Кузнецова. Словообразовательный круг в русском языке. *Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики*. Москва, 1973.
- Кузнецова 1977: А. И. Кузнецова. *Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики*. Москва, 1977.

- Кузнецова 1980: А. И. Кузнецова. Периферийные явления в морфологии русского языка. *Актуальные вопросы структурной и прикладной лингвистики*. Москва, 1980.
- Кузнецова, Лавренова 1975: А. И. Кузнецова, О. А. Лавренова. О существовании корреляции между продуктивностью и употребительностью аффиксов в русском языке. *Исследования по структурной и прикладной лингвистики*. Москва, 1975.
- Лаптева 1976: О. А. Лаптева. *Русский разговорный синтаксис*. Москва, 1976.
- Лешка 1966: O. Leška. „Le centre“ et „la périphérie“ des différents niveaux de la structure linguistique. *Travaux linguistiques de Prague*, 1966, № 2.
- Мамудян 1980: M. Mahmoudian. Structure linguistique: problèmes de la constance et des variations. *La linguistique*, XVI, 1980, fasc. 1.
- Мартине 1975: А. Мартине. Основы общей лингвистики. *Новое в лингвистике* [Москва], 1975, вып. III.
- Маслов 1984: Ю. С. Маслов. *Очерки по аспектологии*. Ленинград, 1984.
- Неуступны 1966: J. V. Neustupný. On the analysis of linguistic vagueness. *Travaux linguistiques de Prague*, 1966, № 2.
- Нещименко 1984: Г. П. Нещименко. Проблема центра и периферии при сопоставительном изучении словообразовательной категории. *Сопоставительное изучение словообразования славянских языков (тезисы международного симпозиума, декабрь 1984 г.)*. Москва, 1984.
- Питтман 1948: R. S. Pittman. Nuclear structures in linguistics. *Language*, XXIV, 1948, № 3.
- Прасол 1984: А. Ф. Прасол. К вопросу о взаимоотношениях постпозитивных союзов и частиц в современном японском языке. *Новое в японской филологии*. Москва, 1984.
- Ревзина 1969: О. Г. Ревзина. *Структура словообразовательных полей в славянских языках*. Москва, 1969.
- Скаличка 1967: В. Скаличка. Асимметричный дуализм языковых единиц. *Пражский лингвистический кружок*. Москва, 1967.
- Скворцов 1984: Л. И. Скворцов. Актуальные теоретические проблемы культуры речи. *Основы культуры речи. Хрестоматия*. Москва, 1984.
- Словарь 1974: *Обратный словарь русского языка*. Москва, 1974.
- Словарь 1977: *Частотный словарь русского языка* (под ред. Л. Н. Засориной). Москва, 1977.
- Шапкин 1969: А. П. Шапкин. К вопросу о взаимодействии классов слов в английском языке. *Ученые Записки МГПИ им. В. И. Ленина, (Вопросы грамматики английского языка)*, 1969, № 367.
- Шварцкопф 1977: Б. С. Шварцкопф. Типы соотношения вариантов и статистические исследования нормы. *Языковая норма и статистика*. Москва, 1977.
- Щерба 1915: Л. В. Щерба. *Восточнолужицкое наречие, т. I*. Петербург, 1915.
- Щерба 1958: Л. В. Щерба. Опыт общей теории лексикографии. *Очередные проблемы языковедения. Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. I*. Ленинград, 1958.
- Якобсон 1936: R. Jakobson, Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. Gesamtbedeutungen der russischen Kasus. *Travaux linguistiques de Prague*, 1936, № 6.